

АРНАЛД
ИНДРИДАСОН
Трясина

**ARNALDUR
INDRIÓASON**
Mýrin

**АРНАЛЬД
ИНДРИДАСОН**
Трясина

Перевод с исландского
Ильи Свердлова

издательство
астрель

УДК 821.113.1-312.9
ББК 84(4Исл)-44
И60

Title of the original Icelandic edition: *Mýrin*
Published by agreement with Forlagið, and OKNO Literary Agency, Sweden

Bókmenntasjóður
The Icelandic Literature Fund

This book has been published
with a financial support of
Bókmenntasjóður / Icelandic Literature Fund

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Индридасон, А.

И60 Трясина / Арнальд Индридасон ; пер. с исландского И.СВЕРДЛОВА. — М.: Астрель : CORPUS, 2010. — 319, [1] с.

ISBN 978-5-271-24856-6 (ООО “Издательство Астрель”)

Детективы Арнальда Индридасона пользуются заслуженной любовью читателей не только в его родной Исландии, но и во всех европейских странах. Его книги неоднократно удостоивались престижных литературных премий, а критики называют Арнальда “международной сенсацией”. Роман “Трясина” был успешно экранизирован в 2006 году.

Полиция Рейкьявика находит труп одинокого пожилого мужчины, убитого в собственном доме. В деле нет ни одной зацепки — ни мотивов, ни улики, кроме чрезвычайно странной коротенькой записки. Однако следователь Эрленд чувствует, что за преступлением скрывается давняя и глубоко личная драма. По крупицам он начинает воссоздавать картину мрачной медицинской тайны, уходящей корнями в прошлое и разрушившей не одну жизнь...

УДК 821.113.1-312.9
ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-271-24856-6 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Arnaldur Indriðason, 2000
- © И. Свердлов, перевод на русский язык, 2009
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2009
- © ООО “Издательство Астрель”, 2009
- Издательство CORPUS ®

Чертова тряси́на, вот что это такое!

ЭРЛЕНД СВЕЙНССОН, следователь

Рейкьявик, 2001 год

1

Три слова. Написаны карандашом на листке бумаги. Листок лежит на трупе. Всего три слова, но что хотел сказать автор записки — этого Эрленд никак не мог взять в толк.

Покойник — мужчина лет семидесяти. Лежит на правом боку на полу, рядом с диваном в небольшой гостиной, одет в синюю рубашку и светло-коричневые вельветовые штаны. На ногах домашние тапочки. Волосы почти совершенно седые, редкие, испачканы кровью. Зияющая рана на голове. На полу рядом с трупом — большая стеклянная пепельница, угловатая и с острыми краями, тоже испачкана кровью. Журнальный столик опрокинут.

Квартира подвальная, в двухэтажном доме на Северном болоте. Вокруг дома небольшой дворик, огорожен с трех сторон каменной стеной. Листья с деревьев уже опали, застлали дворик плотным ковром, так что не видно земли, изогнутые ветви тянутся вверх, теряются в черноте неба. Рядом гараж, к нему ведет гравийная дорожка. По двору бродят туда-сюда сотрудники рейкьявикской полиции. Бродят не спеша, словно призраки по заброшенному дому. Ждут глав-

ного врача района, он должен подписать свидетельство о смерти. Труп обнаружили минут пятнадцать назад. Эрленд прибыл на место одним из первых. С минуты на минуту должен появиться Сигурд Оли.

Город кутался в октябрьские сумерки, лило как из ведра, настоящая осенняя буря. Кто-то зажег лампу на столе, комнату залил тусклый свет. Других предметов в комнате пока никто не касался. Появились судэксперты с прожектором на треноге, осветили комнату как следует. Эрленд окинул ее взглядом — книжный шкаф, старый просиженный диван, обеденный стол, траченный временем письменный стол в углу, ковер на полу залит кровью. Одна дверь из гостиной ведет на кухню, другая в узкий коридор, там еще двери — в две спальни и туалет.

В полицию позвонил жилец с верхнего этажа. Он вернулся домой вечером, забрав из школы своих двух сыновей, и, подойдя к дому, обнаружил, что дверь в подвальную квартиру распахнута. Это было необычно. Он заглянул в квартиру и позвал соседа по имени — может быть, он дома. Ответа не последовало. Он еще раз позвал соседа и снова ответа не получил. Его семья уже несколько лет как поселилась в квартире на верхнем этаже, но великана из подавала знала плохо. Старший из мальчиков, девяти лет, не стал на манер отца осторожничать и забежал в подвальную квартиру, отец и глазом не успел моргнуть. Через миг мальчишка выскочил обратно и, не поведя бровью, доложил, что в квартире лежит труп.

— Ты слишком много в кино ходишь, — ответил ему отец и сам зашел в квартиру соседа. Так и есть, тот лежал на полу в луже собственной крови.

Эрленд уже знал, как зовут покойного — его имя значилось рядом с дверным звонком. Для пущей уве-

ренности — а то еще коллеги будут потом смеяться — Эрленд надел тонкие резиновые перчатки и выудил из кармана куртки, висевшей на крючке в прихожей, бумажник покойного. Так и есть, зовут Хольберг, вот и фотография на обратной стороне кредитной карточки. Шестьдесят девять лет. Найден мертвым в собственной квартире. Вероятно, погиб насильственной смертью.

Эрленд прошелся по квартире. У него работа такая — смотреть по сторонам и задавать простые вопросы. Обращать внимание на очевидное. Тайное и невидимое глазу — это не его дело, для этого существуют судэксперты. Эрленд же покамест отметил, что следов взлома не имеется, и окна и двери целы. На первый взгляд хозяин сам открыл дверь убийце и впустил его в квартиру.

Соседи сверху наследили везде — и в прихожей и в гостиной, снаружи ведь шел дождь. Нападавший, вероятно, тоже оставил следы, если только не разулся. Но это вряд ли, подумал Эрленд, — судя по всему, гость был в спешке.

Команда судэкспертов захватила с собой пылесос — малейшие частички пыли могут оказаться важными уликами. Сейчас они искали отпечатки пальцев — любые, не принадлежащие хозяину. Любой предмет, которому в этом доме не место. Предмет, занесенный в дом кем-то, кто оставил за собой труп.

Насколько Эрленд мог судить, хозяин не оказал посетителю особого гостеприимства. Кофе не подал — было ясно, что кофеваркой в кухне за последние несколько часов не пользовались. Никаких намеков на то, что гости пили чай, — все чашки на месте в серванте. Стекланные бокалы тоже на своих местах. Убитый явно был любитель порядка. Все чисто и прибрано. На-

верное, он не был хорошо знаком с нападавшим. Вероятно, гость напал на него без лишних разглагольствований, едва ему открыли дверь. Даже разуваться не стал.

Любопытно, это удобно — убивать в носках?

Эрленд огляделся вокруг и отдал себе приказ сосредоточиться.

Гость явно торопился — даже дверь за собой не закрыл. Судя по всему, нападать не планировал, все получилось как-то само собой и вдруг. Следов борьбы не видно. Хозяин, видимо, просто упал замертво на пол, задел головой журнальный столик и опрокинул его. Все прочее на первый взгляд на своих местах. Эрленд не видел никаких признаков, что квартиру ограбили. Дверцы шкафчиков плотно закрыты, ящики тоже, новый компьютер и старый видеомаягнитофон мирно стоят, где им положено, да и кошелек, нетронутый, лежит в кармане куртки. В нем Эрленд нашел купюру в две тысячи крон и две карточки, кредитную и дебетную.

Похоже, нападавший схватил первое, что попало под руку — пепельницу, — и ударил ей хозяина по голове. Пепельница изготовлена из толстого, тяжелого зеленого стекла, весит на глаз минимум килограмма полтора, решил Эрленд. Отличное орудие убийства, даже с собой ничего приносить не надо. Нет, она местная — не мог убийца принести ее с собой и оставить вот так, посреди пола, залитую кровью.

Очевидные вещи позволяли составить примерно следующую картину произошедшего: хозяин квартиры открыл дверь, пригласил гостя войти — ну или по крайней мере провел его в гостиную. Может, он и знал гостя, но это не обязательно. Гость нанес ему один сильный удар пепельницей и тут же сбежал, не закрыв дверь. Все просто, как дважды два.

За исключением одной детали — записки.

Написали ее на обрывке разлинованного листа формата А4, судя по всему вырванном из блокнота. Наличие записки — единственное указание, что, возможно, убийство было предумышленное; раз есть записка, то, вероятно, гость пришел к хозяину с целью его убить. Нет, гость не вдруг решил прикончить хозяина в порыве ярости, нет, он вошел к нему, намереваясь совершить убийство. Дал себе труд написать записку. Три слова — и Эрленд никак не мог взять в толк, что все это значит. Когда гость написал записку? До того, как направился сюда? Простой вопрос, на него надо дать ответ. Эрленд подошел к письменному столу в углу гостиной, заваленному кучей бумажек, счетов и прочего.

На самом видном месте лежал раскрытый блокнот на спирали, от страницы оторван угол. Эрленд искал глазами карандаш, которым писали записку, — на столе его нет, ага, вот он, закатился под стол. Только ничего не касаться, смотреть и думать.

— Что и говорить, чисто исландское убийство, типичнейшее, — сказал детектив Сигурд Оли прямо над ухом Эрленда — тот не заметил, как он вошел.

— А? — переспросил Эрленд, пытаясь сосредоточиться на увиденном.

— Я говорю, кровавое, бессмысленное, да еще совершенное без малейшей попытки скрыть содеянное, там, запутать следы, спрятать улики...

— Ага, — сказал Эрленд, — дурацкое, тупое исландское убийство.

— Ну, если только он сам не упал и не разбил себе голову о пепельницу, — сказал Сигурд Оли.

С Сигурдом прибыла их коллега Элинборг. Эрленд ходил из угла в угол, но прочих присутствующих — полицию, парамедиков и судэкспертов — просил поменьше топтаться в квартире.

— Ага. И пока падал, сам написал совершенно непонятную записку? — спросил Эрленд.

— Он мог ее в руках держать.

— Сказано “он”. Кто этот “он”, как ты думаешь?

— Не знаю. Может, бог, — ответил Сигурд Оли. — А может, и убийца, черт его знает. Любопытно, что “он” подчеркнуто и написано большими буквами.

— На мой взгляд, написано не в спешке. Первые два слова — обычным почерком, последнее “он” — заглавными буквами и подчеркнуто. Ясно, гость никуда не спешил, пока писал записку. Но и дверь за собой закрывать не стал. Что за черт? Убивает хозяина и убегает, но по дороге дает себе труд написать что-то невнятное и подчеркивает последнее слово.

— Думаю, “он” — это он, — сказал Сигурд Оли, — в смысле, убитый. Кто еще это может быть?

— Не знаю, не знаю, — откликнулся Эрленд. — Какой смысл оставлять такую записку, да еще прямо на теле жертвы? Что убийца этим хотел сказать? К кому он обращается? Сам к себе? К убитому?

— Да это был просто псих, ненормальный, — вмешалась Элинборг, протягивая руку к записке. Эрленд остановил ее.

— Может, их было несколько, — предположил Сигурд Оли. — Нападавших, в смысле.

— Элинборг, ну когда ты запомнишь, что на месте преступления надо работать в перчатках? — обратился к ней Эрленд, как к маленькому ребенку. — Это же улики! Да, кстати, записку написали прямо здесь, за столом, — добавил он, показав пальцем в угол. — Лист бумаги вырвали из блокнота жертвы.

— Так я говорю, может, их было несколько, — повторил Сигурд Оли.

Вот же нашел интересную версию.

— Ага, ага, — сказал Эрленд, — может быть.

— Хладнокровный нам типчик попался, — продолжил Сигурд Оли. — Это ж надо придумать, сначала укокошить старика, а потом присесть за письменный стол и как ни в чем не бывало написать записочку. По моему, тут нужны стальные нервы. Если хотите знать, на мой взгляд, на такое способны только самые отъявленные подонки.

— Во всяком случае, убийца был человек бесстрашный, — сказала Элинборг.

— Или псих с мессианским комплексом, — усмехнулся Эрленд, наклонился к трупку и взял в руки записку.

Да-да, мессианский комплекс, да еще какой, подумал он, молча разглядывая таинственные три слова.

2

Эрленд вернулся домой к десяти вечера, поставил разогревать готовый обед в микроволновую печь. Тарелка крутилась за стеклом, Эрленд стоял и смотрел на нее. Зрелище интереснее любого телевизора. Снаружи воют осенние ветра. Ливень и тьма, больше ничего.

Что это за люди, думал Эрленд, которые оставляют записки и потом пропадают. Попади он сам в такую ситуацию, что бы он написал? К кому бы он стал обращаться? Эрленд подумал о своей дочери, Еве Линд. Она наркоманка, значит, хотела бы прочесть в папиной записке, оставил ли он ей денег. В последнее время она только про деньги его и спрашивает. То же и его сын, Синдри Снай, только что вышел из клиники для наркоманов, в третий раз. Вот на него бы Эрленду трех слов хватило: “Хиросима — больше никогда!”

Микроволновка трижды пропищала, Эрленд улыбнулся. Другое дело, что исчезать я никуда не собираюсь.

Эрленд и Сигурд Оли успели допросить соседа убитого, который и нашел труп. Его жена вернулась с работы и говорила только о том, что нужно забрать сыновей из дома и отвезти к матери. Сосед предста-

вился Олавом и рассказал, что и он сам и все его домашние, жена и два сына, каждый день уходят из дому в восемь утра и возвращаются не раньше четырех вечера. Детей из школы забирает Олав. Уходя из дому в тот день, они не заметили ничего необычного. Дверь в квартиру в подвале была закрыта, ночью они не слышали никаких звуков. С соседом общались редко. По большому счету, он им чужой, хотя они и прожили вместе в одном доме много лет.

Патологоанатомам еще только предстояло определить точное время смерти, но Эрленд предполагал, что это случилось около полудня. Самое оживленное время дня, как говорится. Откуда у людей время на убийства в наши дни, подумал он.

Газетам полиция сообщила лишь, что вчера в собственной квартире на Северном болоте был найден мертвым мужчина по имени Хольберг, около семидесяти лет, и, вероятно, речь идет об убийстве. Заметка просила любого, кто наблюдал что бы то ни было подозрительное в районе, где жил Хольберг, за последние двадцать четыре часа, сообщить об этом властям.

Эрленду недавно исполнилось пятьдесят. Двое детей, много лет как разведен. Имена детей он терпеть не мог, но старался этого не показывать. Это все бывшая жена, с которой он не разговаривал уже лет двадцать, ей-то казалось, что имена веселые. Развод прошел болезненно, в результате Эрленд более или менее утратил связь с детьми. Они нашли его сами, когда выросли, и он был рад их видеть. Чему он был не рад, это тому, в кого они выросли. Особенно его печалила судьба Евы Линд. У Синдри Сная жизнь была ненамного лучше, чем у сестры, разве только чуть-чуть.

Эрленд вынул тарелку из микроволновки и сел за стол. Кроме кухни в квартире были еще две комнаты, заваленные книгами. На стенах старые семейные фотографии — его родственников из Восточных фьордов, где он вырос. Ни одной фотографии ни его самого, ни детей. В углу старый, выдавший виды телевизор “Нордменде”, перед ним — просиженное кресло. Эрленд не очень любил убирать, но держал квартиру в относительном порядке.

Что это я такое ем? Впрочем, не важно.

На упаковке написано что-то про “восточные деликатесы”, внутри оказалось что-то с тестом, на вкус — как прокисший суп.

Эрленд отодвинул тарелку. Интересно, у меня еще остался ржаной хлеб, купил тут на днях. А еще вроде был паштет из ягненка.

Тут в дверь позвонили.

Ева Линд решила, как она говорит, “заджампануться” к папочке. Эрленд терпеть не мог эти ее словечки и вообще ее манеру разговаривать.

— Привет, старые яйца, как дела? — сказала она, проскользнув в комнату и плюхнувшись на диван.

Воистину “старые яйца”.

— Эй-эй! — ответил Эрленд, закрывая дверь. — Ты это брось, так говорить со мной.

— Ты же говорил, что мне нужно работать над речью, быть изобретательнее! — сказала Ева.

Папа постоянно досаждал ей советами по поводу ее манер.

— Вот именно, но не в этом смысле.

Поди пойми, какую роль она решила играть сегодня. Эрленд не знал лучшей актрисы во всем Рейкьявике, впрочем, он редко ходил в театр и кино, ограничиваясь образовательными телепередачами. Ева обыч-

но играла роли из бразильских телесериалов, сюжет — как выдоить из папаши денег. Случалось это не так часто, Ева умела добывать деньги самостоятельно, как — Эрленд предпочитал не знать. Иногда, впрочем, у Евы не оставалось, по ее словам, “ни эйрира сраного”, и тогда она отправлялась к папе.

Иногда притворялась папиной дочкой, ласкалась и мурлыкала. Иногда — женщиной на грани нервного срыва, носилась по квартире словно оглашенная, кричала, что Эрленд плохой отец, как он смел бросить их с Синдри Снаем, таких маленьких! Иногда изображала маньяка-убийцу, которому нечего терять, этакое воплощение зла. А иногда Эрленду казалось, что она не играет, что она — такая, какая есть, подлинная Ева Линд, если такой человек вообще существовал в природе. Только с этой Евой Эрленд и мог разговаривать.

Сегодня на ней потертые джинсы и черная кожаная куртка. Волосы коротко стрижены, выкрашены в черный цвет, два серебряных кольца в правой брови, в ухе — серебряный крестик. Когда-то у нее была шикарная белозубая улыбка, но общение с наркоманами и наркоторговцами не прошло даром — двух верхних зубов и след простыл. Очень худая, лицо вытянутое, под глазами мешки.

Эрленду иногда казалось, что он видит в Еве лицо своей матери. Он все время проклинал образ жизни, который вела Ева, и винил себя.

— Я сегодня говорила с мамой. Точнее, это она со мной говорила, интересовалась, не могу ли я тебя кое о чем попросить. Правда, классно — работать телефонным проводом для собственных разведенных родителей?

— Твоя мать чего-то от меня хочет? — удивленно спросил Эрленд.

Прошло двадцать лет, а она все так же его ненавидела. Он лишь разок видел ее за все это время, и на ее лице было написано нескрываемое отвращение. Она однажды говорила с ним по поводу Синдрии Сная, и Эрленд изо всех сил старался этот разговор забыть.

— Снобка вонючая, вот кто она такая.

— Не надо так о матери.

— Короче, это по делу одних богатеев из Гардабая. Выдавали дочь замуж в прошлую субботу — ну так она взяла и сбежала, прямо со свадьбы. Какой позор! И с тех пор не выходила на связь. Мама была на свадьбе, до сих пор места себе не находит. В общем, просила меня узнать, не мог бы ты поговорить с родителями этой девки. Они не хотят официально обращаться в полицию — как же, сами понимаете, история попадет в газеты! Вот снобы-то вонючие! Они знают, что ты следователь и можешь все сделать шито-крыто. А мама с тобой говорить не хочет, понимаешь? Ни за что! Вот меня послала.

— Ты сама-то знаешь этих людей?

— Ну на свадьбу, где эта блядь учудила это дело, меня не пригласили.

— Ага, значит, девчонку ты знаешь?

— Считаю, что нет.

— А куда она могла сбежать?

— Мне-то откуда знать?

Эрленд поежился.

— Я только что о тебе вспоминал, — сказал он.

— Как мило, — ответила Ева Линд. — Я, кстати, хотела спросить...

— Денег нет и неизвестно, — отрезал Эрленд и сел в кресло, лицом к дочери. — Есть хочешь?

Ева Линд выгнула спину:

— Почему всякий раз, как я с тобой говорю, ты заводил эту пластинку про деньги?

Что за черт, украла мою реплику, подумал Эрленд.

— А почему всякий раз, как я с тобой говорю, у нас и разговора не получается?

— Ох, иди в жопу!

— Зачем ты так? В чем дело? Что за слова у тебя? “В жопу”, “старые яйца” — что за черт?

— О боже мой, — застонала Ева Линд.

— Какая у нас сегодня роль по расписанию? Ты сегодня кто? С кем я говорю? Где настоящая Ева, где она прячется в этом наркотическом тумане?

— Так, не начинай снова это говно. “С кем я говорю?” — Ева стала его передразнивать. — “Где настоящая Ева?” Вот она я, сижу прямо у тебя под носом. Я — это я!

— Ева!

— Десять тысяч крон! — крикнула она. — Что тебе это? Что, и десяти штук не найдется? У тебя ж бабла как грязи.

Эрленд поглядел на дочь. Как-то странно выглядит, он сразу это заметил, еще с порога. Одышка, капельки пота на лбу, все никак не может усесться, ерзает. Кажется, ей нехорошо.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Нормально все со мной. Просто денег надо. Не ломай комедию, пожалуйста.

— Так, что с тобой?

— Пожалуйста.

Эрленд не моргая смотрел на дочь.

— Ты снова пытаешься бросить?

— Пожалуйста, десять тысяч. Тебе это ничего не стоит. Раз плюнуть. Я больше никогда не буду просить у тебя денег.

— Мило, мило. Так сколько времени прошло с последнего раза, как ты... — Эрленд задумался, подбирая слово. — Ммм... с последнего раза, как ты принимала таблетки?

— Какая разница! Я же бросила. Бросила. Бросила эту дурацкую привычку бросать! Дурацкую привычку бросать! Дурацкую привычку бросать! Дурацкую привычку бросать! Дурацкую привычку бросать!

Ева Линд вскочила на ноги.

— Ну дай мне десять тысяч. Пожалуйста. Ну хорошо, пять. Дай мне пять тысяч. Это ж для тебя карманные деньги! Что, карман пустой? Пять тысяч, это для тебя орешки!

— Почему ты решила бросить именно сейчас?

Ева Линд заглянула отцу в глаза.

— Брось ты эти свои дурацкие вопросы. Я ничего не бросаю. Чего мне бросать? Что именно? Какую ерунду ты несешь!

— Да в чем, наконец, дело? Чего ты так разозлилась? Ты не в порядке?

— Да, не в порядке, тошнит из всех дыр! Ну хотя бы одолжи мне десять тысяч, понял? Одолжи. Я тебе верну, алчный кусок говна!

— Молодец, хорошее слово сказала, “алчный”, не забывай его. Так что с тобой, Ева?

— Какого хера ты меня допрашиваешь?! — Ева возбудилась еще сильнее.

— У тебя температура?

— Дай мне денег! Ну хоть две штуки! Это же ерунда! Ты не понимаешь. Старый истеричный дурак!

Эрленд тоже вскочил на ноги, Ева стала наступать на него, словно собиралась ударить.

Откуда эта странная агрессия? Он еще раз оглядел ее с ног до головы.

— Какого хера ты на меня смотришь?! — завопила она ему в лицо. — Чего, хочешь меня трахнуть? А? Грязный папик хочет трахнуть дочку?

Эрленд дал ей пощечину, не очень сильно.

— Тебя это возбуждает? — спросила она.

Он снова дал ей пощечину, посильнее.

— Ну как, у тебя уже стоит?!

Эрленд отшатнулся от нее. Она еще никогда с ним так себя не вела. Превратилась в чудовище за какой-то миг. Еще ни разу он не видел ее в таком настроении. Он понимал, что не в силах ничего изменить, и гнев уступил место жалости.

— Почему ты решила бросить именно сейчас? — повторил Эрленд свой вопрос.

— Я не пытаюсь бросить! — орала она. — Что с тобой такое? Ты чего, не слышишь меня? Не понимаешь, что я говорю? Кто тут завел речь про бросить?

— В чем дело, Ева?

— Брось ты это свое “вчемделоева”!!! Можешь ты мне дать пять тысяч в долг? Ну, отвечай!

Кажется, немного успокаивается. Наверное, поняла, что перешла некую границу, нельзя так говорить с отцом.

— Почему именно сейчас? — настаивал Эрленд.

— Дашь мне пять тысяч, если скажу?

— В чем дело?

— Пять тысяч!

Эрленд все так же не моргая смотрел на дочь.

— Ты что, беременна? — спросил он наконец.

Ева Линд улыбнулась ему, как улыбаются напакостившие дети.

— Угадал, — ответила она.

— Как так получилось? — выдохнул Эрленд.

— Что значит как? Тебе сказать, в какой позе мы это делали?

— Хватит тут меня задирать. Ты что, не знаешь, что такое контрацептивы? Таблетки, презервативы? Ты что, не пользуешься этим?

— Я не знаю, как так получилось. Получилось, и все тут.

— И ты решила бросить наркотики?

— Нет, я больше не могу. Не бросается. Ну вот, я тебе все и рассказала. Все-все! Теперь давай десять тысяч, ты мне должен.

— Ага, щас, чтобы твой ребенок словил кайф прямо в утробе.

— Мудило гороховое, какой ребенок! Это ничто, песчинка! Я не могу так просто взять и бросить. Я завтра вот проснусь — и брошу. Обещаю. А сегодня не могу. Две тысячи! Ну что тебе стоит?

Эрленд сделал шаг в ее сторону.

— Но ты же пыталась. Я знаю, ты хочешь бросить. Я могу тебе помочь.

— Я не могу!!! — завопила Ева Линд. Ее трясло, с лица градом катился пот.

— Поэтому ты и пришла ко мне, — сказал Эрленд. — Если бы тебе были нужны только деньги, ты бы пошла к кому-нибудь другому. Ты обычно так и поступала. А сейчас ты пришла ко мне, потому что хочешь...

— Брось ты эту херню! Я пришла потому, что меня попросила мама, и потому, что у тебя есть деньги, вот и все. Если ты не дашь мне денег, я их все равно добуду. Никаких проблем. В городе полно старых пердунов вроде тебя, они будут готовы мне заплатить.

Но Эрленда так просто с курса не собьешь.

— Ты уже беременела?

— Нет, — ответила Ева Линд, отведя глаза.

— Кто отец?

Ева Линд посмотрела на Эрленда круглыми глазами.

— Эй, ты чего?! — заорала она. — Я что, по-твоему, прибежала к тебе из брачного номера люкс в блядском отеле “Сага”?

Эрленд не успел ничего сделать — она оттолкнула его, выбежала вон из квартиры, вниз по лестнице и на улицу и скрылась в струях холодного осеннего ливня.

Эрленд медленно закрыл дверь. Правильный ли я взял тон? Черт, ну почему всякий раз мы только и делаем, что орем друг на друга, почему нам не поговорить по-человечески? Как мне это надоело...

Есть больше не хотелось. Эрленд уселся обратно в кресло, задумчиво уставившись в пространство. Его беспокоило, что Ева Линд может натворить с собой теперь. Спустя несколько минут Эрленд взял со стола рядом с креслом книгу, которую читал последнее время.

Его любимая серия, мрачные истории про то, как люди пропадают и погибают на пустошах и в горах.

Книжка была открыта на середине рассказа “Погибшие на Мшистой пустоши”, и через минуту Эрленду уже обдувала щеки ужасная пурга, в которой замерзли насмерть несколько молодых людей.